

К. НИК-Ъ

Отголоски распутинской эпопеи. (Рассказ странницы)¹

24 августа в Екатеринбургскую городскую больницу полиция доставила странную больную.

Ее подобрали на улице, с коротко остриженными волосами, босая, в черном странническом подряснике, она скорее походила на одетого в женское платье юношу.

Когда больную начали переодевать, то изумление достигло апогея, т.к. под верхней одеждой на рубашке у нее оказались солидные железные вериги, охватывающие тяжелым кольцом ее тонкую фигуру.

Все больные, весь медицинский персонал заинтересовались странной больной и вскоре же ее привели в чувство.

Судьба этой экзальтированной, истеричной женщины настолько интересна, она находится в такой тесной связи с известным теперь «старцем» Григорием Распутиным, что мы приводим ее рассказ почти целиком.

«Я Кира Алексеевна Пасенкова, мне 22 года. Я окончила Уфимское епархиальное женское училище, два года — 1905 и 1906 — учительствовала в церковно-приходской школе, но в этом труде не нашла своего призвания.

Жизнь подвигов, тяжелых испытаний, физических искусов манила меня... Мне хотелось опуститься до той младенчески-чистой веры, которой охвачена странствующая из одного монастыря в другой по святым местам серая, простая Русь.

И я пошла, превратясь в странницу. Сначала я ходила в обуви, а когда она сносилась, то стала ходить босиком.

¹ Печатается по: Уральская жизнь. 27 августа 1910 г. № 186.

Так, странствуя, в ноябре прошлого года попала в Верхотурский монастырь. Босая в уральскую лютую стужу я, конечно, вызывала любопытство зевак и старых баб, курьезно просивших у меня, почти девчонки, советов, как жить и спастись.

Я сердилась на них, гнала их...

Эти вопросы стояли и передо мной роковыми загадками.

Прожив несколько дней в странноприимном доме при мужском Верхотурском монастыре, я обратилась к настоятельнице Покровской женской общины игуменье Таисии с просьбой зачислить меня в послушницы общины.

Мой более чем скромный вид, босые ноги произвели дурное впечатление на игуменью; она не отказала, но и не согласилась, и я так и осталась жить при гостинице мужского монастыря вместе со скотницами. Здесь я шила белье и исполняла другую тяжелую работу.

В Покровской общине я познакомилась с послушницей Акилиной Лаптинской, сыгравшей в моей дальнейшей судьбе большую роль.

Но знакомство мое с Лаптинской продолжалось, и она начала ходить ко мне.

От нее я впервые услышала о старце Распутине.

Она отзывалась о нем, как о святом человеке, владеющим даром прозорливости, совершающим исцеления бесноватых. Она гордилась тем, что он считает ее своей духовной сестрой и пользуется его благоволением.

Ее экзальтация невольно передавалась мне, и [я], ищущая праведных людей, заинтересовалась личностью этого старца до того, что когда Лаптинская сообщили мне, что он скоро приезжает, я пошла с ней его встречать на вокзал.

Это было в субботу пред Масленой (27 февраля).

Надо вам вообще сказать, что Г. Е. Распутин в верхотурских монастырях считается важной персоной. Настоятелю Верхотур[ского] мужск[ого] монастыря иг[умену] Ксенофонту он даже оказывал покровительство, во времена своего могущества представив его ко Двору.

Среди монахов и монахинь монастырей было много его почитателей, видевших в нем не столько святого, сколько могущественного своими придворными знакомствами.

В гостинице мужского монастыря даже есть небольшой номер, который так и зовется «Григория Ефимовича» и в котором он в своих частых поездках из с. Покровского постоянно останавливается.

О приезде Г. Распутина уже было известно, а апартамент его был готов.

Встречу Распутина на вокзале мы пропустили и встретили его по дороге к монастырю едущим с какой-то пожилой, просто одетой женщиной.

Узнав Лаптинскую, Г. Распутин остановил лошадь, вышел из саней и расцеловался с ней.

Об его манере целоваться Лаптинская мне уже говорила, и я не удивилась, когда этот пожилой человек с острыми, умными, выразительными глазами потянулся ко мне, взяв меня за плечо, поцеловал.

Так началось мое знакомство с Распутиным.

Посадив нас в сани, Распутин поехал прямо в монастырь.

Со мной он начал беседу, в которой очень жаловался на своих высокопоставленных друзей, отвернувшихся от него, после того, как на него начались нападки некоторых архиереев.

Но в то время Распутин надеялся сломить врагов, у него, по его словам, еще было много защитников, сторонников и сторонниц в высших сферах.

Я, насколько могла, старалась успокоить жалующегося старца.

Приехав в монастырь, Г. Распутин сразу же направился к настоятелю о[тцу] Ксенофонту, который оказал ему почтительно-радушный прием.

Меня он не отпускал от себя, и я босая, в поношенном подряснике попала в настоятельские покои.

Беседуя с настоятелем и монахами, рассказывая им эпизоды из своей столичной жизни, где он запросто принимался очень высокими лицами, жалуюсь тоже на нападки духовенства, он заявил вдруг, что я сняла с него полгоря, что при виде меня у него спали заботы, и ему стало на душе весело. И тут же предложил мне поехать к нему в с. Покровское, где у него жена, семья и много сестер — целая обитель.

Ничего не зная, видя в нем, со слов Лаптинской, святого человека, я согласилась.

От настоятеля на лошадях мы направились по городу в женский монастырь.

Настоятельницы м[онахини] Таисии не было, и здесь «святому старцу» не было никакой торжественной встречи. Это его, видимо, разобидело.

Придя в келью Лаптинской, в которую собрались чуть не все монахини и послушницы, он сказал целую речь, в которой поучал, что старцев надо чтить, что холодный прием, оказанный ему, доказывает, что и живут они холодно, без горячей веры, согревающей сердце. В середине речи, как на пример горячей веры, жажды подвига, он указал на меня, пошедшую за ним без рассуждения со слепой, спасительной верой.

Я не помню сейчас точно этой речи, но помню, что я горда была похвалой, что впечатление от нее было теплое, хорошее.

В разговоре упомянул кто-то об отшельнике Макарии, монахе 60 лет, живущем в лесу.

Распутин, оказалось, уже знал его и пожелал его видеть, послав за ним лошадей.

Макарий приехал и, увидев, что Гр. Распутин целует некоторых из послушниц (этим он оказывал им свое благоволение), заявил, что он «не желает говорить с Григорием Ефимовичем при народе» и пойдет в мужской монастырь.

Распутин тотчас же поднялся и с Лаптинской, мной и Макарием снова поехал в мужской монастырь к настоятелю.

Было уже 9 час[ов] вечера.

Тотчас же был накрыт в настоятельских покоях ужин.

За ужином Распутин снова начал говорить о своих связях, показывал подарки высоких особ и снова потребовал моей поездки в Покровское.

Запротестовал о[тец] Макарий, который к моему удивлению заявил, что мне туда не дорога.

— Убежит, так на дне моря сыщу, — бравировал Распутин. — У меня все начальство — вот где! — И он показал свой кулак.

После ужина мы все с о[тцом] Макарием направились в гостиницу, в номер Распутина. Там была уже толпа. Монахини, послушницы, просто странницы и богомолки положительно заполнили большую комнату. При входе «старца» многие становились на колена, раздались рыдания, стоны.

Усевшись в кресло, щелкая орехи и закусывая их апельсинами, «старец» начал принимать посетительниц.

Ему каялись здесь же, открыто, в грехах, у него просили защиты, помощи, советов, благословения. Большинство плакали.

Некоторым он давал деньги... Многих он молча привлекал к себе и целовал.

Говорил он мало, все больше резкими, отрывистыми фразами, похожими на намеки и иносказания.

Толпа разошлась к 2 час[а] ночи, и остались Лаптинская, я и женщина, приехавшая с ним.

По уходе всех он сразу же переменился.

Он начал рассказывать интимно-пикантные подробности о барынях высшего света. Цинично он уверял нас, что княгиня такая-то «мягкая, здоровая особа, с которой приятно...». Такая же, наоборот, «сухопара и больна» и пр., и пр.

Святой старец исчез, остался обычный циник.

Я не верила глазам и ушам...

На меня он обратил особое внимание.

Он расспросил, здорова ли я, девушка ли или уже имела любовников, и хожу ли я в баню?

Я пробовала отшатнуться, уверяя его, что в бане не была с тех пор, как сняла башмаки, что с меня довольно реки и снега, которыми я моюсь.

— Ну, в Покровском тебе придется вымыться в бане со мной, — заметил на это старец.

Меня взорвало. Я указала на безнравственность этого заключения, но Гр. Распутин развил передо мной целую теорию о необходимости единения не только духом, но и телом, что только в одном этом он видит спасение. Я поняла, что это за старец и, отговорившись необходимостью идти к заутрени, ушла, оставив Распутина с Лаптинской.

Сразу же после службы я обратилась к о[тцу] Ксенофонту, прося его защиты и совета, как отделаться от старца, во всемогуществе которого я не сомневалась. Но сомневался в нем, очевидно, и о[тец] Ксенофонт, который посоветовал мне притвориться согласной, поехать в Покровское, а по дороге сбежать.

Так я и сделала. Распутин послал со мной в провожатые свою спутницу, дав мне на дорогу около 100 рублей, и я от нее сбежала на ст[анции] Гороблагодатской, проехав в Житомир к бывшему Уфимскому, ныне Волынскому епископу Антонию.

В Волынской епархии я не нашла подходящего для себя женского монастыря (уж очень они все там шумные) и в Страстной четверг снова вернулась в Верхотурье.

Лаптинскую я уже не застала (она уехала с Гр. Распутиным). Обратилась я к о[тцу] Ксенофонту, прося его, как благочинного, зачислить меня в одну из женских общин.

Мне не отказали, но и не приняли официально и поселили, ради Христа, под церковью, топить печи.

При Покровской общине создается школа, и я мечтала занять в ней место учительницы, как вдруг вышло обращение еп[ископа] Митрофана к пастве с предостережением против Распутина и подобных ему старцев.

Я, как знакомая с Распутиным, сразу попала под новое гонение игуменьи.

Мое зачисление поставили при условии согласия еп[ископа] Митрофана, к которому меня и послал благочинный о[тец] Ксенофонт.

Но еп[ископ] Митрофан отнесся ко мне сурово. Узнав, что я знакома была с Распутиным, он повернулся и не стал больше меня слушать.

Как я вышла из архипастырских покоев, где меня подняли в обмороке, как привезли сюда — я ничего не помню.

Знаю только, что один разговор с Распутиным, в котором я сразу увидела низкого человека, испортил снова мою жизнь, начинавшую входить в колею.

Да будет воля Всевышнего», — заключила К[ира] А[лексеевна], это невольная жертва Распутина, свой рассказ.

